

УДК 821.161.1-1.09

А.С. ПУШКИН В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

2012

Е.Ю. Мурагова, кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Общее и русское языкознание»

*Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск
(Республика Беларусь)*

Ключевые слова: поэт; творчество; критика; свобода.

Аннотация: В статье анализируется роль А.С. Пушкина в творчестве Марины Цветаевой. На примере образа А. Пушкина, созданного М. Цветаевой в лирике и прозе, рассматриваются темы: поэт — мир, поэт — толпа, поэт — критики, нравственность — безнравственность искусства.

Марина Цветаева говорила, что она отлично знает свою породу людей (душ), узнает их в веках и на картинах по первому взгляду. И чуждость, даже гениальную, она чувствовала также остро и тонко. Например, гений Ф.М. Достоевского она воспринимала как неравнодушный своей душе: «Достоевский мне в жизни как-то не понадобился...» [1: V, с. 387]. В этом ряду цветаевских пристрастий, ее безмерной любви или неприятия А.С. Пушкин занимает особое место. Ни к кому из поэтов М. Цветаева не обращалась в своем творчестве так часто и определенно, как к А.С. Пушкину. То великое деление цветаевского мира на поэта и всех, т.е. на дух и плоть, на бытие и быт, началось именно с А. Пушкина. «С тех пор, — писала она в своем эссе «Мой Пушкин», — да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова — убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность, — я поделила мир на поэта и всех, и выбрала — поэта...» [1: V, с. 58]. Знаменитая формула Цветаевой: «Равенство дара души и глагола — вот поэт» — как нельзя лучше подходит именно к Пушкину: к ее восприятию его облика, жизни, его творчества.

Роль и власть иррациональных стихий в судьбе человека — одна из главенствующих тем цветаевского творчества. Свобода, вольнолюбие, бесстрашие в жизни и в стихах роднило ее с Пушкиным. Не случайно, что ее любимые пушкинские произведения — «Цыгане», «Бесы», полтавский бой в «Медном всаднике», стихотворение «К морю» — именно те, в которых пламенный и независимый нрав Пушкина выразился наиболее открыто. Для М. Цветаевой А.С. Пушкин — вольнолюбивый, с горячей африканской кровью, дерзкий, бесстрашный поэт. Ее восхищает его *пекло губ, уст окаянство, самый вольный, самый крайний лоб*. «Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам, — писала М. Цветаева, — как бы они ни назывались и ни одевались» [1: V, с. 510].

Цикл «Стихи к Пушкину» [1: II, с. 281 — 290], написанный М. Цветаевой летом 1931 года, представляется в первую очередь как протест М. Цветаевой против академического «замораживания» настоящего, живого, вольнолюбивого А. Пушкина. Она сама охарактеризовала эти стихи следующим образом: «Стихи к Пушкину... Страшно резкие, страшно-вольные,

ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и все имеющие — обратное канону... Они *внутренно-революционны*, ... они мой, поэта, единичный вызов — лицемерам *тогда и теперь*» [1: VI, с. 449].

В первом стихотворении цикла Цветаева характеризует А.С. Пушкина через отрицание того, чего в нем не было и быть не могло, а именно: Пушкин *не монумент, Командор, лексикон, губернатор, русопят, гробок, мавзолей*. Свое отрицание и неприятие *такого* Пушкина Цветаева выражает через ряд вопросительных предложений, через их синтаксический параллелизм:

Пушкин — в роли монумента?...

Пушкин — в роли Командора?..

Пушкин -- в роли лексикона?

Семантико-лексический ряд и вопросительно-протестующая интонация частично «переводят» данные вопросительные предложения в отрицательные: в каждом из них подтекстом выступает и ответ на задаваемый вопрос, который читается однозначно — нет: не монумент, не Командор и т.д. Таким образом, форма вопроса приобретает переносную функцию отрицательного ответа, не утрачивая при этом первичной функции, а вопросительное предложение, являясь риторическим вопросом, частично «превращается» в восклицательное. Здесь мы наблюдаем асимметричный дуализм языкового знака, когда одна и та же синтаксическая позиция характеризуется увеличением выполняемых ею функций. Идея языковой асимметрии, высказанная в известной статье С. Карцевского [2] — одна из универсальных идей, касающихся языковых знаков, в поэтическом языке, получает специфическое преломление и осложнение. В частности, в области поэтического синтаксиса частичная асимметрия «делает более тонкими и менее заметными сдвиги в значениях грамматической формы, но достаточными для создания семантической и информативной сложности поэтического текста» [3, с. 89]. Именно в силу такого дуализма и повтора вопросов через все стихотворение основная мысль и эмоция М. Цветаевой находит свое адекватное языковое выражение.

Безмерность и стихийность пушкинского творчества М. Цветаева также передает через антитезу, иронизируя над тем, что говорят о Пушкине «карлы»:

*Пушкин – тога, Пушкин – схи́ма,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...*

т.е. выражает свое отношение к настоящему творчеству «от обратного», от того, чего в нем быть не может и не должно. К кому обращается М. Цветаева, кто адресат ее послания? Иными словами: А судьи кто? Ответ Цветаевой: *карлы, попугаи, брадатые авгуры...* При чем каждое слово в этом ряду является очень точной характеристикой «судей», а именно: карлы – это те карлики-критики, которые не могут в силу своей духовной мелкости оценить А.С. Пушкина в полный его дар, рост, размах; попугаи в контексте стихотворения становятся символом бессмысленного повторения чужих слов и мнений. Авгурами в древнем Риме называли жрецов, толковавших мнимую волю богов по пению и полету птиц, иначе – птицегадателями; в современном понимании авгур – человек, делающий вид, что посвящен в особые тайны.

*То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!..
Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его
Белокровье мозга, морга
Синь...*

Как видим, вопросы-ответы Цветаевой обращены к той многочисленной армии ревнителей Пушкина, чьи толкования поэта, потоки славословия и словоблудия в его адрес не могут дать истинного представления о масштабе гения, а, напротив, тиражируют ущербного, карликового, ненастоящего Пушкина – в соответствии с величиной и глубиной их собственных личностей. Цветаева таких судей не признает, отсюда ее особенный протест и возмущение. «Права суда над поэтом никому не даю» -- пишет Цветаева, следуя, собственно, за А. Пушкиным: «Ты сам свой высший суд». М. Цветаева всегда (а не только по отношению к Пушкину, но к Пушкину – особенно) считала, что право на оценку поэта имеют только равные по труду и дару. Определять произведение в «собственном сердце» волен каждый, но оценивать и тем более судить – может только равный.

За собой право оценки (но не суда) жизни и творчества А.С. Пушкина М. Цветаева признает потому, что она *Прадеду – товарка: / В той же мастерской!* Их объединяет творчество, общее ремесло в высоком смысле этого слова, они оба – из одной мастерской. Только поэт может по-настоящему понять другого поэта, его волю к творчеству, трудность преодоления всего, что этому мешает, знать цену постоянного и изматывающего труда художника:

*Пелось как – поется
И поныне – так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,
Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – в возок...
И как – спать хотелось!
Над цветком любви --
Знаю, как скрипелось
негрскими зубьями!*

Об этом же Цветаева писала в «Искусстве при свете совести»: «На сто строк десять – данных, девяносто – заданных: недавшихся, давшихся, как крепость – сдавшихся, которых я добилась, т.е. дослушалась» [1: V, с. 47].

Отстаивание живого, настоящего А.С. Пушкина Цветаева усиливает в 4-ом стихотворении цикла через метафорическое использование лексемы *мускул*, которая лейтмотивом проходит через все стихотворение: *Преодоление / Косности русской -- / Пушкинский гений? / Пушкинский мускул...* И это -- *мускул полета, бега, борьбы, мускул долгого хода, степных побегов, мускул вала и мускул весла*. Используя силленис -- троп, построенный на совмещении физической и эмоциональной характеристики, т.е. соединив конкретную лексему «мускул» как олицетворение реального, физического мира с абстрактной лексикой, Цветаева тем самым создает совершенно своеобразный образ поэта, наполненный радостью бытия, пульсирующий горячей «негрской» кровью, страстью и вдохновением:

*То – серафима
Сила – была:
Несокрушимый
Мускул – крыла.*

Понятия хода, бега, преодоления, борьбы связаны у М. Цветаевой с понятием жизненного пути, духовного восхождения, вознесения, роста, непрерывного движения духа и мысли. «Пора, наконец, понять, -- писала Цветаева в статье «Поэт—альпинист», -- что существует иная кровь, иное наследие, иная физика – в полной сохранности этого понятия и в той же мере достоверная и активная, что и та, которую мы знали до сих пор. Физика духовного мира» [1: V, с. 458–459].

Настаивая на не-монументальности, немавзолейности Пушкина, Цветаева тем самым затрагивает и серьезную философскую проблему святости и греха поэта-творца, для которого существует в первую очередь суд Слова. Близкую к этой мысли об иной святости гения развивал Н. Бердяев: «Если бы Александр Пушкин был святым, подобным св. Серафиму, он не был бы гением, не был поэтом, не был бы творцом... Лишь по религиозной немощи своей, по греху своему и несовершенству был Пушкин гениальным поэтом... И вот рождается вопрос: в жертве гения, в его творческом иступлении нет ли иной святости перед Богом, ... равнодостоинной канонической святости?» [4, с. 391 -- 392]. Сама М. Цветаева в отношении нравственности/ безнравственности искусства категорически утверждала в эссе «Искусство при свете совести»: «...художественный закон нравственному прямо – обратен... Единственный способ искусству быть заведомо хорошим – не быть» [1: V, с. 31]. Близкую к этой мысли высказывал и В. Ходасевич: «Не пророком, падшим и вновь просветлевающим, а всего лишь поэтом жил, хотеть жить и умер Пушкин. Довольно и с нас, если мы будем его любить не за проблематическое духовное преображение, а за реально данную нам его поэзию – страстную, слабую, греховную, человеческую» [5, с. 408].

Для Цветаевой А.С. Пушкин -- «антипамятник», и если уж представлять себе Пушкина в роли памятника – то только как Медного Всадника, скачущего во весь опор, да и то -- от этих карл *Поскакал бы, Всадник*

Медный, / Он со всех копыт – назад. Медный Всадник и – карлы. Здесь концентрируется вечная тема: поэт—толпа, поэт – все. Цветаева всегда отрицала саму возможность гармонии любого настоящего поэта с миром, считая, что в окружающем плоском мире утрачено важнейшее измерение высоты духа, называла его *миром мер, миром гирь, веса, дробей, счета*, в котором утрачены все *невесомости и наваждения*. И тем не менее, восхищаясь вольнолюбием и бунтарством Пушкина, Цветаева на пушкинском примере утверждала именно гармоничность гения: «Слишком обширен и прочен земной фундамент гения... Будь Шекспир, Гете, Пушкин *выше*, они бы многого не услышали, на многое бы не ответили, ко многому бы просто не снизошли. Гений: равнодействующая противодействий, то есть в конечном счете равновесие, то есть гармония...» [1: V, с. 359].

Из всего вышесказанного может возникнуть предположение, что Цветаева против идеализации и канонизации А.С. Пушкина. Думается, что это не так. Просто понятие канона у Цветаевой иное. М. Цветаева писала, что «обыватель большей частью в вещах искусства современен поколению предыдущему, то есть художественно сам себе отец, а затем и дед и прадед. Обыватель в вещах искусства... откатывается назад... -- к непризнанию никакой молодости – вплоть до Пушкина, вечную молодость которого превращает в вечное старчество, и вечную современность которого в отродясь-старинность» [1: V, с. 335-336]. Цветаевское восхищение А. Пушкиным и преклонение перед его гением сродни явлениям вселенского масштаба в пространствах духа, где иные измерения гения, времени, вечности. Она против узости, приземленности, стандартности обывательских оценок А. Пушкина, превращающих его вечную «современность в отродясь-старинность». Иными словами, Цветаева по своему канонизирует А.С. Пушкина.

Многое в жизни М. Цветаева «мерила» отношением к А. Пушкину. Достаточно показать ее оценку деятельности Петра I и Николая I. Главную роль Петра I для России Цветаева видит не в том, что он построил российский флот, победил шведов, вышел к Балтийскому морю, основал Петербург – нет:

*И большего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) --
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.*

Именно А. Пушкин – вот главное, по мнению Цветаевой, дело Петра I для России, *Последний – последний – бессмертный / Подарок России – Петра*.

И деятельность Николая I Цветаева «оценивает» тоже А. Пушкиным, называя царя «жалким жандармом пушкинской славы». Именно поэтому она резко негативно определяет роль Николая I в русской истории как символа косности и подавления; и строки цветаевских стихов звучат как заклинание, обращенное ко всем нынешним и будущим русским:

Зорче взглядися!

Не забывай:

Певцоубийца

Царь Николай

Первый.

Экзистенциальную специфику цветаевской канонизации А. Пушкина можно увидеть и в другом аспекте. Многие поэты, к которым в своем творчестве обращалась Цветаева, сравниваются ею с мифологическими или библейскими героями: А. Блок – Орфей, «мертвый ангел», Христос; А. Ахматова -- богородица хлыстовская; В. Маяковский – ломовой «архангел-тяжелоступ»; О. Мандельштам – Серафим; М. Волошин – Зевс и Фавн и под. Хотя Цветаева утверждала, что гений «безграничен и даже безличен», гения «невозможно определить вообще», поскольку «всякое определение, давая точный смысл, ограничено» [1: V, с. 402]. Эти слова М.И. Цветаевой самым непосредственным образом можно отнести к А.С. Пушкину. Мифологических параллелей к образу Пушкина в творчестве Цветаевой практически нет, он нигде не номинирован, поскольку для Цветаевой Пушкин – сам миф, высшая точка сплетения всех метафор. Это и есть, на наш взгляд, цветаевский вариант канонизации Пушкина, имя которого для нее уже было собственным именем божества и не нуждалось ни в каких параллельных наименованиях. И, возможно, ее резкое неприятие поверхностных славословий Пушкину бессознательно сродни библейскому: не поминай имя Господа всуе. А.С. Пушкина, по мнению М. Цветаевой, невозможно определить и оценить не только простому смертному, но даже поэту, потому что А.С. Пушкин безграничен; в его творчестве заложены все присущие человеку чувства, эмоции, настроения; в нем есть место всему, что доступно эмоциональной природе человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – 7 т. Далее ссылки на это издание даются в основном тексте с указанием в скобках тома и страницы.
2. Карцевский, С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. / сост. В.А. Звегинцев. – 3-е изд., доп. – М., 1964–1965. – Ч. 2. – 1965. – С. 85–90.
3. Ковтунова, И.И. Асимметричный дуализм языкового знака в поэтической речи / И.И. Ковтунова // Проблемы структурной лингвистики, 1983 / отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1986. – С. 87–108.
4. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. -- М.: Изд-во «Правда», 1989.
5. Ходасевич, В. «Жребий Пушкина», статья о. С.Н. Булгакова / В.Ф. Ходасевич Собр. соч. : В 4 т. -- М.: Согласие, 1996. -- Т.2.

A.S. PUSHKIN IN M. TSVETAYEVA'S CREATIVE WORK

2012

Y.Y. Mouratova, candidate of philological sciences, associate professor of the chair
«General and russian linguistics»

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk (Belarus)

Keywords: poet; creative work; critics; freedom.

Annotation: The article analyzes the role of A. Pushkin in M. Tsvetayeva's creative work. The main problems discussed are poet – world, poet – crowd, poet – critics, morals – immorals of art.

УДК 342.23

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2012

Д.В. Полянский, соискатель

Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: гражданское общество; правовое государство; власть; парламент; конституционализм.

Аннотация: Статья посвящена политико-правовым аспектам взаимодействия гражданского общества и правового государства. Отмечается наличие двух теоретических значений гражданского общества: «классического» и современного «реконструированного». Указывается на необходимость появления в России значимых социальных субъектов и укрепления института частной собственности как основы гражданского общества и правового государства.

Анализ применения термина «гражданское общество» как в ходе политических дебатов, так и в академической среде свидетельствует о его использовании, во-первых, как операциональной теоретической конструкции в общественных дисциплинах для объяснения столь разнородных социально-политических процессов как переход от авторитаризма к демократии в различных регионах мира, а также комплексного реформирования системы государственного социального обеспечения в развитых капиталистических государствах Запада, во-вторых, для определения всей совокупности негосударственных некоммерческих добровольческих институтов, и, в-третьих, приравнивается к нормативной модели, призванной служить ориентиром тому, чтобы сделать наше общество более демократическим, свободным и гуманным [1].

Охват данным термином такого количества смыслов приводит к тому, что гражданское общество как определение теряет черты концептуальной определенности, становится, скорее, публицистическим штампом, нежели научным концептом.

Применительно к отечественному контексту данная семантическая неопределенность приводит к тому, что диапазон мнений относительно наличия и перспектив развития в России гражданского общества простирается от полного отрицания возможности его появления в обозримом будущем из-за несоответствия структур российского социума критериям демократической системы [2] до отдельных попыток «подвести

под гражданское общество «архаические», домодернизационные формы социальной организации, как, например, взгляд на крестьянскую общину как на аутентичный отечественный аналог гражданского общества [3], что явно противоречит базовым признакам данного социального феномена, конституирующим сущность гражданского общества, даже с учетом всего плюрализма его истолкований.

С учетом высказанных соображений, необходимо констатировать, что, наряду с признанием конкретно-исторических форм бытия гражданского общества как объективного социального явления, а также того, что его понятие по-разному использовалось в различные эпохи и в различных странах, общим для всех этих явлений и идей, позволяющим проводить отождествление в рамках единой теории, является особая форма взаимоотношений собственно общества как всей совокупности индивидов, групп и связей между ними с важнейшим политическим институтом – государством.

Исторически такая форма взаимоотношений явилась результатом стечения ряда уникальных политических, экономических и духовных факторов, приведшим к провозглашению конкретно-исторического этапа развития Западной Европы началом «эпохи модерна».

Согласно немецкому историку Рейнхарту Козеллеку, абсолютистское государство, появившееся на европейском континенте как реакция на религиозную